

После того как Чэн Шинань целый день скрытно хвастался своими рукавицами, он вернулся домой под завистливыми взглядами мужиков. А на следующий день у Вэй Цю прибавилось работы.

Линь Цао пришел спозаранку, несмотря на пронизывающий холод, неся на руках Дань-даня.

Едва переступив порог, он обреченно вздохнул: — Ты не представляешь, Цю-гэр! Мой Мэн-гэ как вчера вернулся, так и пристал: «Сшей да сшей мне эти рукавицы!». Сил моих нет, всю голову мне прожужжал.

Вэй Цю весело расхохотался: — Знаю-знаю, Ши-гэ вчера пришел и тоже жаловался, что у него их чуть силой не отобрали!

Вспоминая, с каким наигранно-обиженным видом Шинань рассказывал, как мужики пытались стянуть с него подарок, Вэй Цю снова захотелось смеяться.

— Учи скорее, как их делать, а то он меня заживо съест, — Линь Цао напустил на себя вид человека, крайне недовольного своим мужчиной.

— погоди, сейчас принесу шкурки, будем вместе шить. Я как раз собирался еще одну пару для Ши-гэ сделать.

— Маленький Дань-дань, хочешь сегодня печеных каштанов? — Вэй Цю присел и легонько ущипнул малыша за пухлую щечку.

— Хочу! Цю-цзю (дядя Цю), Дань-дань всё ест, он совсем не привередливый! — с гордостью ответил малютка.

Вэй Цю, смеясь, ушел за припасами. Вернувшись, он поставил каштаны запекаться и принялся обучать Линь Цао.

— Вот скажи, как у тебя голова работает? Такая удобная вещь, и как я сам не додумался? — поражался Линь Цао.

Ничего не попишешь — Вэй Цю был невероятно способным. Среди всех деревенских невест и гэров не нашлось бы никого, кто мог бы сравниться с ним.

Линь Цао невольно вспомнил о прошлом Вэй Цю — горькая ему досталась доля. Проданный работоторговцем, он попал в семью из соседней деревни. Его купили, чтобы «отвадить беду» (чунси) от больного сына, но в ту же ночь, как он переступил порог, тот парень умер. Деньги потрачены, человек в доме, а толку нет!

Та семья, не зная, на ком выместить злость, обвинила во всём Вэй Цю: мол, он «несчастливый», погубил мужа своей судьбой. Его замучили бы до смерти, если бы слухи не дошли до Цянь-ши. Та втайне выкупила его за бесценок для Шинаня, который тогда тоже залечивал раны.

Все понимали, какую подлость задумала семья Чэн. Хорошо, что небо оказалось справедливо: теперь Вэй Цю так умело ведет хозяйство, и дела у них с Шинанем идут в гору — пусть семья Чэн теперь локти кусает!

Линь Цао почувствовал приятное удовлетворение и вернулся к реальности: — Вот так пришить — и готово?

— Да, видишь, как просто! Можно еще маленькие сделать, для Дань-даня.

Малыш, увлеченно грызший каштан, услышал это и просиял: — Правда? У Дань-даня тоже будут?

Линь Цао погладил сына по голове: — Будут, будут. Следующую пару амо (папа-гэр) сошьет для тебя...

— Ура! — обрадовался ребенок.

Линь Цао ушел к обеду, а во второй половине дня к Вэй Цю потянулись и другие жители. Каждому он терпеливо объяснял тонкости кроя. Прослышав, что Линь Цао уже закончил одну рукавицу, все побежали к нему смотреть, и вскоре в деревне начался настоящий бум.

Местные умельцы быстро превзошли оригинал: кто-то делал стежки невероятно мелкими, кто-то вышивал узоры, а детям украшали рукавички изображениями зверушек. Теперь в деревне каждый — и взрослый, и ребенок — щеголял в обновках. Те же, у кого их еще не было, чувствовали себя так неловко, что даже на улицу стеснялись выходить.

За этой суетой пришло двадцать шестое число двенадцатого месяца. Те, у кого были свиньи, начали забой, готовя мясо к празднику. Шинань с утра ушел помогать в деревню. Вэй Цю по обыкновению остался дома — Шинань не пускал его смотреть на забой скота. Лишь ближе к полудню муж вернулся за ним, чтобы отвести на обед.

— Сколько сегодня семей забивают? — спросил Вэй Цю, пока Шинань заботливо одевал его.

— Три семьи...

— Ого! К кому пойдем обедать?

— К тетушке Цзиньхуа... — ответил Шинань.

Та была настолько радушной, что просто не дала другим перехватить гостей.

Вэй Цю припомнил: — Это та полноватая женщина, которую мы видели у дома Цянь?

— Она самая, — Шинань присел, чтобы обуть мужа в сапожки из мягкой оленьей кожи...

Вэй Цю с любовью посмотрел на новые сапоги, но для вида заворчал: — Ой... я же говорил, что надену их на Новый год, а ты заставляешь сегодня.

Шинань улыбнулся и коснулся его щеки: — Будь умницей. В деревне сейчас холодно, а в них ноги не промокнут.

Видя, что Шинань готов укутать его чуть ли не в одеяло, Вэй Цю сдался: — Ладно! Раз я так тепло одет, не волнуйся.

Шинань оглядел его с ног до головы, остался доволен и взял за руку: — Пошли.

Едва они вышли, в лицо ударил мороз, но благодаря одежде и рукавицам им было нипочем. Кстати, те кривоватые рукавицы на Вэй Цю сшил сам Шинань. Пару дней назад он настоял, чтобы Вэй Цю научил его шить. Глядя на этого высокого и сильного мужчину, Вэй Цю чувствовал сладость на сердце.

Дом тетушки Цзиньхуа находился недалеко от дома семьи Чэн — наискосок через дорогу. С утра оттуда доносились шум и крики забиваемых свиней.

Старуха Чэн, глядя на это из своего холодного дома, чувствовала себя скверно. После того скандала третий сын, Пинъань, затаил на неё обиду за её предвзятость. Старуха не только тратила свои сбережения на долги Гуанцзуна, но и пыталась заставить Пинъаня влезть в долги.

Пинъань с женой (Лю-ши), разумеется, были против. Когда Чэн Пингуй (отец Шинаня) жил припеваючи за счет Шидуна, Пинъаню не перепало ни гроша. А теперь его заставляли и на юбилей раскошелиться, и чужие долги оплачивать.

В тот день в доме Чэн стоял дым коромыслом: братья припоминали все старые обиды, а сестра, Пинъань, только подливала масла в огонь. В итоге все переругались, но денег не прибавилось. Разве что Пинъань, не выдержав воплей старухи, швырнула десять лянов и уехала.

Сейчас в семье Чэн набралось всего девяносто лянов. Пингуй в ту ночь крупно повздорил с Цянь-ши, заставив её выложить все заначки. Но и этого не хватало. Все в доме ходили чернее тучи, а Гуанцзун на коленях молил о спасении. Даже Яоцзу, боясь коллекторов из города, сидел дома и носа не казал.

Когда Шинань и Вэй Цю пришли к дому Цзиньхуа, хозяйка расплылась в улыбке.

Она радушно подхватила Вэй Цю под локоть: — Холодно на улице! Твой Шинань тебя совсем из дома не выпускает, еле дождались!

Вэй Цю застенчиво улыбнулся: — Как поживаете, тетушка?

— Ой, хорошо, деточка! — Цзиньхуа, глядя на изящного Вэй Цю, втайне вздыхала: такая красота в деревне — редкость.

— Проходите скорее в дом! Ин-эр, иди сюда, Цю-гэр пришел! — крикнула она своей дочери.

У тетушки Цзиньхуа было двое сыновей и дочка. Шестнадцатилетняя Ин-эр была уже помолвлена.

Вэй Цю отметил, что двор очень чистый — сразу видно, хозяйка справная. В главной комнате было полно народу. При виде гостей все повскакивали, приветствуя их.

— Ох, Шинань! Нельзя же так фулана прятать, мы его сто лет не видели!

— И то верно! Вэй Цю, ты Шинаня не слушай, выходи почаще. А если он посмеет запретить — мы ему быстро зададим!

Все принялись подшучивать. Шинань со смехом ответил парой шутливых ударов в плечо мужикам, а Вэй Цю лишь тихонько посмеивался.

Поздоровавшись со всеми, Вэй Цю ушел за тетушкой Цзиньхуа в левую комнату, оставив Шинаня болтать с мужчинами.

В комнате сидела хрупкая девушка. Увидев гостя, она засмушалась: — Здравствуй... Цю-гэр!

— Здравствуй. Это и есть твоя дочка? — Вэй Цю вопросительно взглянул на хозяйку.

— Она самая! Помнишь те рукавицы? Она всё утро над ними голову ломала, да к тебе зайти

стеснялась. Вот, дождалась.

Вэй Цю кивнул: — Да это пустяки.

Ин-эр робко достала корзинку с рукоделием.

Вэй Цю взял заготовку: — Сшито очень хорошо. Только вот клапан не совсем верно пришит. Переделаем немного — и всё получится.

Тетушка Цзиньхуа обратилась к ним: — Цю-гэр, поучи её немного. Голова у неё туго соображает, а в следующем году уже замуж идти. Пусть у тебя уму-разуму наберется.

Вэй Цю скромно ответил: — Что вы, тетушка. Ин-эр — замечательная девушка, старательная.

От такой похвалы Цзиньхуа просияла: — Ну, вы тут занимайтесь, а я пойду на кухню.

— Цю-гэр, как мне это исправить? — тихо спросила Ин-эр.

Вэй Цю заговорил с ней мягко: — Нужно распороть клапан и сшить его чуть пошире, а пришить — немного ближе к переду.

Ин-эр смотрела на красивого Вэй Цю с восторгом. Он и готовит вкусно, и такие чудесные вещи придумывает! И сам такой милый... Неудивительно, что Шинань-гэ его так бережет.

— А эти рукавицы для кого-то особенного? — спросил Вэй Цю.

Ин-эр покраснела: — Угу... для... для Мэнцзы-гэ.

— А-а... — Вэй Цю понимающе улыбнулся.

— Цю-гэр, а ты можешь научить меня готовить свинину «хуншао»? — с надеждой спросила девушка.

— Конечно, это совсем несложно!

Вэй Цю подробно рассказал ей рецепт, а Ин-эр старательно запоминала. После того пира у семьи Цянь её жених Мэнцзы-гэ не раз вспоминал ту свинину.

Вэй Цю не стал жадничать и рассказал ей еще и секреты приготовления свиных копытц и ребрышек — чтобы в новой семье у неё были свои коронные блюда. Ин-эр от радости даже не знала, как его и благодарить.

<http://bllate.org/book/17091/1600261>